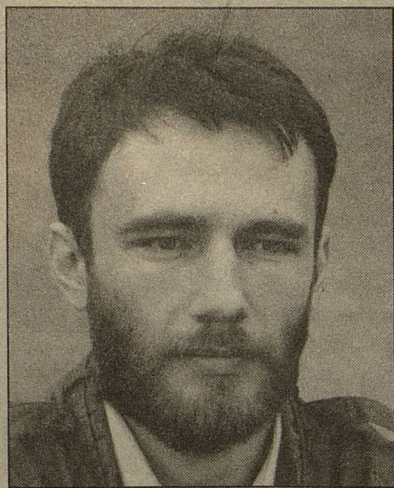

«Помощник китайца» - так называется повесть выпускника Литературного института Ильи КОЧЕРГИНА, за которую ему присуждена премия города Москвы в области литературы и искусства за 2003 год. Действие происходит с конца 80-х до середины 90-х прошлого века, начинается в Москве, переносится на Алтай, снова в Москву, отражая миропонимание недавнего школьника, вышедшего «в люди». Хорошо знакомы сцены и персонажи, присущие Москве тех лет, а вот алтайские мотивы мне напомнили романтику произведений Джека Лондона и Олега Куваева.

МОСКВИЧ С АЛТАЯ

- Илья, поскольку эта повесть ваша первая большая проба пера, наверное, она во многом автобиографична?

- Да, конечно. Я родился в Москве в 1970 году. Сначала жили в Конькове, а потом переехали в дедову квартиру - в так называемый Дом на набережной у кинотеатра «Ударник». Там пошел в школу. После окончания поступил по настоянию родителей в химико-технологический институт, но быстро сбежал оттуда. Не мое. Женился, и жена уговорила поступить на геологию. Успел съездить на Камчатку с геологами. Но и там я недолго отучился. Мне поступления всегда удавались легко - во время экзаменов такой мощный прилив адреналина ощущал. А потом наступало время, когда спрашивал себя: для чего я учусь? Чувствовал, что это не то, и уходил. Работал дворником, пожарным, на почте, на восстановлении Свято-Данилова монастыря, торговал иконами и различной церковной утварью. Сменил более десяти профессий. Мне была интересна жизнь во всех ее проявлениях. Кончилось тем, что я уехал на Алтай. Хотелось тишины, покоя, своего угла. Наступил мой первый алтайский период. Надо сказать, что в детстве отец - бывалый байдарочник - часто брал меня в походы по Карелии и Кольскому полуострову. Это были самые яркие впечатления детства. Мне самому хотелось посмотреть Сибирь, почувствовать романтику этих мест. И вот мы в 90-м году с женой и маленьким ребенком уехали на Алтай. Я стал работать лесником на дальнем кордоне. Там прожили год. Обездзы угодий, браконьеры, покосы, заготовка дров. Солнце, тайга, горы, всего дней пятьдесят в году пасмурных. Мне там очень понравилось. Когда у жены кончился академический отпуск, мы вернулись в Москву. И я под влиянием Алтая, Востока поступил в Институт стран Азии и Африки при МГУ на китайское отделение. Учиться оказалось тяжелее, чем я себе представлял. Потом не заладились семейные отношения. И в 1995 году я снова уехал на Алтай. Один. Снова на дальний кордон. Так продолжалось четыре года, пока там не встретил свою настоящую любовь - вторую жену. Но

именно тогда я понял, что надо возвращаться в Москву, прекрасно сознавая, что современная девушка не сможет жить в тайге.

- И вы решили поступить в Литературный институт?

- Нет. Были большие сомнения - продолжить учебу по изучению китайского языка или заняться литературным творчеством. Победило желание писать, и я пошел поступать в Литературный институт. До этого я уже не верил, что у меня будет какое-то законченное образование. Это такой труд - надо насилловать себя, зубрить, писать конспекты. И вдруг я открываю, что учеба - это приятное, интересное дело. Для меня стали понятны высказывания людей, которые говорили о студенчестве, как о самых счастливых годах. А тут я сам почувствовал такое, даже почувствовал себя моложе. Через полгода написал первый рассказ «Алтынай». Мой руководитель семинара посоветовал отнести его в «Новый мир». Я послушался, хотя не строил никаких надежд. Оказалось, его не только напечатали, но и присудили премию «За лучший дебют». Потом написал еще несколько рассказов. Получил молодежную литературную премию «Эврика». Затем пришло время повести, куда вошло много реальных персонажей, с которыми я встречался в Москве и на Алтае.

- Видимо, все же какое-то знание китайского языка сыграло свою роль в названии повести «Помощник китайца»?

- Самое прямое - я был помощником и секретарем, скажем с широким кругом обязанностей, у китайского бизнесмена, который приехал в столицу начинать свое дело. Но бизнес он вел довольно специфически. В повести пишу, «что ключом к его принципам ведения бизнеса могли бы стать слова одного из учителей Дзена по имени Юнь-мэн: «Сидишь - и сиди себе; идешь - и иди себе. Главное - не суестьись попусту». Сун сидел и ждал появления партнеров или, может быть, ждал, пока у нас научатся делать правильный бизнес и отличать китайцев от представителей прочих народов, населяющих Юго-Восточную Азию. Поэтому мы продолжа-

ли жить и работать в прежнем несуетливом режиме».

- Вы упоминали, что долгое время жили в московской достопримечательности - Доме на набережной. Он как-то фигурирует в повести?

- Да, конечно. Это же дом моего детства. В те годы он мне почему-то казался похожим на серое тюремное здание. Может, это было еще и оттого, что мое окошко, у которого я делал уроки, выходило на серую стену кинотеатра «Ударник». В квартире ощущался какой-то пугающий дух. Зимними вечерами начинала поскрипывать старая мебель с овальными бирками ХОЗУ Кремля на задних панелях, словно от сквозняка покачивались плотные серые шторы. Как-то ночью я вышел погулять во двор с собачкой. Меня остановил серьезный человек в кожаной куртке и сказал, чтобы я погулял в другом месте. Мне стало любопытно, и я обошел двор с другой стороны. Гляжу, горят «Юпитеры», идет съемка фильма. Стоит автофургон «Хлеб», куда ведут человека с руками за спиной. Тут на четвертом этаже распаивается окно, и женщина что-то кричит ему вслед. Он оборачивается и говорит, что скоро вернется. Так повторяется восемь - десять дублей. И до меня вдруг доходит: это же могло быть на самом деле. Я пришел домой, а меня всего трясет. Вот этот эпизод вошел в повесть. Видимо, поэтому там дом детства выглядит мрачноватым...

- Вы сказали, что квартира в этом доме принадлежала деду, а какова его судьба, есть ли его прототип в повести?

- Я, к великому сожалению, мало знаком с тем, что связано с именем деда. В основном то, что написано в энциклопедии. Мне было полтора года, когда он умер - Андрей Андреевич Андреев, бывший член Политбюро ЦК партии.

Судя по всему, это был очень интересный, волевой человек. Совсем недавно выяснилось, что к нему обращался Максим Горький с просьбой поддержать открытие Литературного института. А я об этом институте только через Интернет узнал. Дед, как оказывался, был лично хорошо знаком с Мао Цзэдуном, поскольку

являлся председателем Общества советско-китайской дружбы. А я выбирал обучение китайскому языку чисто интуитивно. Работая на высоких должностях, ему удалось избежать репрессий. После него осталась коллекция грампластинок и большое количество его черно-белых фотоснимков природных пейзажей. Он фотографировал не городские виды, а настоящую природу. Они меня завораживают. Но мне не дает

- А как вам сейчас жилось в Москве?

- Приехал ли я на Алтай, вернулся ли в Москву - мне в первую очередь интересны мои мироощущения. Меня радует, что город стал чище, наряднее, праздничнее. Мои любимые места в Москве - Замоскворечье, Софийская набережная, где жили все мои друзья, где я ходил в школу, где мы играли, дрались, бегали по крышам. Вот ощущение того духа, неповторимых

Дмитрий Новиков, Маша Ульянова. Это все писатели, которые не имеют отношения к коммерческой литературе. Другое дело, что я ощущаю явную нехватку профессиональной, добросовестной критики. И критиков. Сейчас не принято писать большие, вдумчивые рецензии даже в толстых журналах. Модно помелькать понемногу, но хлестко в газетах, журналах, на радио. А у молодых критиков вырабатывается какая-то мане-

покая его личность. Надо сказать, что я всегда подспудно чувствовал присутствие какой-то крупной, яркой, сильной фигуры. Я сейчас задумал роман, в котором хотел бы как-то показать его, проанализировать его влияние на меня. К этому меня еще подтолкнули разговоры с женой-психотерапевтом: мы довольно часто размышляем о воздействии таких ярких личностей на потомков. Наверняка это каким-то образом отразилось на моей прозе, в которой я занимаюсь самокопанием, изучаю сам себя, свои ощущения и реакции на окружающий мир. Откуда во мне такая любовь к Востоку, фотографии: на Алтае я сделал довольно большое количество снимков. Там я себя чувствовал очень хорошо.

купеческих дворики почти ушло. Вроде бы те же дома, но там уже расселись офисы, поставили решетки на окна, отгородились заборчиками. Все стало официальнее, строже. Тем не менее считаю, что мне в жизни повезло. В силу разных обстоятельств я полагаю, что уезжаю из Москвы насовсем. А когда понял - без нее не смогу, - вернулся. Поэтому я имею уникальную возможность сравнивать ее для себя и как приезжий, и как человек, вернувшийся домой. Думаю, эти ощущения я обязательно передам в своей будущей прозе.

- Что вы можете сказать о молодых писателях - наших современниках?

- В прозе сейчас очень много талантливых ребят: Роман Сенчин, Сергей Шаргунов,

ра стеба, недосказанности, многозначительности, причем не очень серьезная. А ведь для молодых литераторов очень важно внимание и поддержка именно со стороны критиков. В этом плане, конечно, было бы великолепно иметь клуб для начинающих авторов, где они могли бы встречаться с читателями, критиками, литературными агентами, издателями, проводить диспуты, организовывать чтения новых произведений. Тем не менее мне кажется, что довольно скоро должен наступить всплеск интереса к отечественной литературе, которую всегда отличали психологизм, человечность и жизнеутверждение.

Беседу вел
Юрий НИКОЛАЕВ